

ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА,
СОСТАВЛЕННАЯ ИЗ ТРУДОВ РУССКИХ
ЛИТЕРАТОРОВ, Ч. 1.
С.-ПЕТЕРБУРГ, 1845

«Что касается до составителей этой книги, — они совершенно чужды притязаний на поэтический или художественный талант; их цель была самая скромная — составить книгу в роде тех, которые так часто появляются во французской литературе», — откровенно сказано в «Вступлении» в «Физиологии Петербурга»¹. «Вступление», вообще, посвящено тому, чтобы доказать, что рядом с произведениями художественными, «запечатленными печатью сильного таланта или гения, должен быть другой род произведений, *удовлетворяющих насущной потребности ежедневных досугов. Бедна литература, не блистающая именами гениальными, но небогата и литература, в которой все или произведения гениальные, или*

произведения бездарные и пошлые»², — говорит то же «Вступление». Между тем и другим должны быть произведения средние, не вполне бездарные, но вместе с тем и отнюдь не гениальные, одним словом, посредственные. Нет ни одной литературы в мире, которая в ряду многочисленных произведений не нашла бы многих и очень многих посредственных; но об них мало говорят современники, забывают потомки; а строгая наука вовсе не признает их жалкого существования. Может быть, в подобном умолчании и можно видеть умышленную скромность: если есть уже недостатки, то нечего скрывать их. Допустим это, но странно, если вдруг начнут упрекать литературу в том, что в ней нет места посредственности и мало произведений посредственных; странно, если писатели нарочно согласятся совокупными силами действовать для размножения подобного рода сочинений и прямо выскажут свою цель! У нас всего меньше *обыкновенных талантов*, как называет скромный автор «Вступления», — этих творцов посредственных произведений; мы готовы были отвечать — и слава богу, но сила сознания принуждает автора прибавить: даже нельзя сказать, чтобы у нас уже слишком мало было *обыкновенных талантов*, — потом увлекаемый вновь — и похвально, последовательным движением прежде высказанной мысли, прибавляет, противореча себе: хотя и действительно их очень немного. Много и не много — странное, но необходимое противоречие; нельзя определить ни качества, ни даже количества того разряда писателей, которые вовсе не способны быть определенными, не заключая в себе никакой сущности. Почему же автор «Вступления» так сильно заботится о таких писателях, к чему они? В следующих строках высказывается мысль автора «Вступления»: «Высокий талант, особенно гений, действует по вдохновению, прихотливо идет своей дорогой, нельзя его пригласить в сотрудничество, по изданию книги ему нельзя сказать: напишите нам статью, которой содержание касалось бы петербургской жизни, а то, что вы предлагаете для нашей книги, нейдет к ней и нам этого не надо. — Оттого-то у нас лит<ературные> предприятия так дурно поддерживаются, и публике теперь стало совершенно нечего читать»³. Итак, посредственные писатели нужны только для того, чтобы могли быть предпринимаемы и поддерживаемы литературные спекуляции. Автор совершенно прав, нельзя писателю даровитому сказать: пиши то или другое — по заказу, пиши в том направлении, которое должно иметь предполагаемое издание, здесь нет места личному убеждению, как бы высоко оно ни было, нет места свободно художественной деятельности писателя; писатель в этом случае невольник, раб чуждой воли, наемным трудом он должен служить литературе. Спекулянт-книгопродавец мог бы еще

подумать подобным образом об писателе, но вряд ли решился бы он высказать подобную мысль. Что же думать, когда ее высказывают сами писатели? «Физиология Петербурга» выполняет эту мысль автора «Вступления», которая, определяя ее литературный характер, облегчает труд критики. Ей остается только сказать: «Физ<иология> Петерб<урга>» вполне согласна с требованиями ее издателей — она вполне посредственна. Критика может поблагодарить за такое облегчение, не знаем, поблагодарят ли только писатели, сотрудники «Физиологии Петербурга», и читатели, которых хотят угощать посредственностью. Прибавим к этому еще и то, что «Физиология Петербурга» не имеет притязаний на оригинальность и желает быть простым подражанием французским этого рода изданиям, как объявляет то же «Вступление».

«Физиология Петербурга» начинается статьей под названием: «Петербург и Москва»⁴. «Москва заключает в себе идею, Петербург другую. В чем состоит идея того и другого города, это можно узнать только, проведя параллель между тем и другим», — говорит автор этой статьи; с помощью сравнения он думает объяснить идею Петербурга, с которой считает долгом начать физиологию этого города, и потом уже спустится к описанию частных явлений петербургской жизни, петербургского дворника, шарманщиков, особенностей петербургской стороны и, наконец, углов. Первый рассказ, написанный даровитым писателем г. Луганским⁵, противоречит несколько требованиям и общему характеру издания, зато все остальные с ним согласны — они вполне посредственны. В картинах заметна та же случайность: картинки Тимма⁶ к рассказу г. Луганского недурны, зато остальные весьма посредственны. Цель издания достигнута: она удовлетворяет тем требованиям, которые сама высказывает. Критике москов<ской> остается только, для любопытства, выписать несколько замечаний об *идее* Петербурга, которую пытается выразить первая статья. Иностранец Альгаротти⁷ сказал: «Петербург есть окно, через которое Россия смотрит в Европу». Восхищаясь выражением, автор статьи восклицает: «Вот в чем идея Петербурга», — и продолжает далее: «Говорят, Петербург выражает собою только внешний европеизм. Положим, что и так, но при развитии России совершенно противоположному европейскому, т<о> е<сть> при развитии сверху вниз, а не снизу вверх, внешность имеет гораздо высшее значение, большую важность, нежели как думают. Проповедовать европеизм, далее говорит автор, можно посредством науки или посредством жизни. На долю Петербурга выпал этот второй способ распространения и утверждения европеизма в русском обществе. Петербург есть образец для всей России во всем, что касается форм жизни»⁸. За этим следует сравнение

московской жизни с петербургской. «Московские улицы узки и редко наполнены народом — широкие улицы Петербурга почти всегда оживлены народом, который куда-то спешит, куда-то торопится. На них до 12 часов ночи довольнолюдно и до утра попадаютс то там, то сям запоздалые. Кондитерские полны народом, немцы, французы и др<угие> иностранцы туземные и заезжие пьют, едят и читают газеты. Русские больше пьют и едят, а некоторые пробегают «Пчелу», «Инвалид»⁹ или читают толстые журналы. Рестораны всегда полны, кухмистерские заведения тоже; тут то же самое: пьют, едят, читают, курят, играют на бильярде и все большей частью молча... Дом, в котором нанимает петербуржец квартиру, сущий ноев ковчег, в котором можно найти по паре всех животных». Описав такую публичную жизнь, автор прибавляет: «Если в Петербурге нет публичности в истинном смысле этого слова, зато уже нет и домашнего и семейного затворничества (разумеется, как в Москве). Петербург любит улицу, гулянье, театр, кофейню, вокзал, словом, любит все общественные заведения. Это пока еще не много, но из этого многое может выйти впереди!»

Петербургского большого света автор не описывает — «люди различных слоев среднего сословия, от высшего до низшего, с напряженным вниманием прислушиваются к отдаленному и непонятному для них гулу большого света и по своему толкуют долетающие до них отрывистые слова и речи, с упоением пересказывают друг другу доходящие до их ушей анекдоты, искаженные их простодушием. Словом, они так заботятся о большом свете, как будто без него не могут дышать; не довольствуясь этим, они изо всех сил бьются, бедные, передразнивать быт большого света и — à force de forger* достигают до сладостной самоуверенности, что и они тоже большой свет. Конечно, настоящий большой свет очень добродушно б рассмеялся, если б узнал об этих бесчисленных претендентах на близкое родство с ним; но от этого тем не менее страсть считать себя принадлежащим или прикосновенным к большому свету доходит в средних сословиях Петербурга до иступления. Поэтому в Петербурге счету нет различным кругам большого света; все они отличаются со стороны высшего к низшему величаво или лукаво насмешливым взглядом, а со стороны низшего к высшему досадою обиженного самолюбия, впрочем, утешающего себя, что мы-де не отстанем от других и постоим за себя в хорошем тоне. Хороший тон, это — точка помешательства для петербургского жителя: последний чиновник, получающий не более семи сот рублей жалованья, ради хорошего тона отпускает при слу-

* С помощью воображения (франц.). — Ред.

чае искаженную французскую фразу, единственную, какую удалось ему затвердить из самоучителя, из хорошего тона он одевается всегда у порядочного портного и носит на руках, хотя и засаленные, перчатки, девицы даже низших классов ужасно любят вернуть в безграмотной русской записке безграмотную французскую фразу».

Сказав потом несколько замечаний об низших классах, очень поверхностных, автор обещает читателю в следующих томах «Физиологии» описание лакейских балов, о которых, прибавляет он с какою-то особенною гордостью, в *Москве люди этого сословия еще и не мечтали*. Москва охотно уступает это преимущество Петербургу. Наконец автор переходит к описанию главного, как он выражается, *петербургского сословия*, чиновников. «Известно, что ни в каком городе в мире нет столько молодых, пожилых и даже старых бездомных людей, как в Петербурге: в этом отношении Петербург антипод Москвы; это резкое различие объясняется отношениями, в которых оба города находятся к России. Петербург — центр правительства, город по преимуществу административный, бюрократический и официальный; едва ли не целая треть его народонаселения состоит из военных, и число штатских чиновников едва ли еще не превышает собою числа военных офицеров: в Петербурге все служит, все хлопочет о месте или об определении на службу; в Москве вы часто можете слышать вопрос: чем вы занимаетесь, в Петербурге этот вопрос решительно заменен вопросом: где вы служите. Слово *чиновник* в Петербурге такое же типическое, как в Москве *барин*, *барыня*, и т<ак> д<алее>; чиновник это туземец, истый гражданин Петербурга». Описание Петербурга автор заключает следующим выводом: «Его закон (т<о> е<сть> Петербурга) есть нудящая сила обстоятельств, и он готов сделаться чем угодно, если это угодно будет обстоятельствам. И потому, — прибавляет далее довольно странную мысль, — его мудрено определить на основании того, что он был и что он есть». Если нельзя определить чего-либо на основании того, что он был и есть, то неужели возможно определять на основании того, что он будет? Желая доказать, как Петербург нужен для России, в противоположность одной из прекрасных статей «Современника» (1837)¹⁰, где сказано: «Москва нужна для России, для Петербурга нужна Россия», — автор заключает: «Нельзя отнять важного значения у Москвы, хотя и нельзя еще сказать, в чем оно состоит, значение Петербурга яснее пока а priori, чем а posteriori, оно в будущем». Автор начал статью с целью показать *идеи* Москвы и Петербурга и наконец приходит к тому, что Петербурга определить нельзя и что нельзя показать значения ни Москвы, ни Петербурга. Неужели идея может быть в том, что не имеет значения?

или автор думает, что само слово *идея* до сих пор не получило никакого значения. Таким образом вся статья разрешается в полное ничтожество. Читателям, может быть, это покажется странным, но в самом деле, — ничто — единственно возможный вывод из статьи посредственной. Такого же рода статьи и заключает в себе «Физиология Петербурга» по собственному ее признанию.

Дополним картину Петербурга, составленную автором в отличие от Москвы, еще одною особенностью Петербурга, особым родом писателей и литературы.

С того времени, как в русской литературе появилась мысль о народности, отдельные области огромной России начали выказывать свои особенности и в литературе. Покорный общему движению, и Петербург выразился в литературной деятельности и придал ей свой особенный характер; сосредоточивая в себе богатства России, он усилил книжную торговлю и этот торговый характер придал и литературе. Одни за другими появились литературные предприятия, сосредоточивали вокруг себя толпы писателей, разделяли их на отдельные круги, наперед определяя время, количество и даже качество их деятельности; началась сильная фабрикация литературных произведений, и полновесные книги журналов и других повременных изданий разошлись по всем концам России. Для подобных предприятий нужны были и особого рода писатели, такие, для которых литература составляла бы своего рода службу, деятельные, способные для всяких работ, по возможности лишенные особенностей, которых произведения не противоречили бы никакому убеждению, никакому из направлений подобного рода изданий. Петербург, как город по преимуществу чиновнический, заключающий в себе образцы всевозможных народностей, деятельный, богатый, исполненный бездомными людьми, стекающимися туда со всей России, легко мог служить такого рода писателям. О них-то так сильно заботится «Вступление» в «Физиологию Петербурга»; их произведения составляют особый разряд сочинений, которые не то чтобы дурны, да и не то чтобы хороши, одним словом посредственные. Сбор таких сочинений и представляет «Физиология Петербурга».